

О. А. Ковтун

ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО СТАТУСА ВЕЩИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

O. A. Kovtun

TRANSFORMATION OF THE CULTURAL STATUS OF THINGS IN THE CONTEXT OF THE CONTEXT OF THE PROBLEM OF PERSONAL IDENTITY

Статья посвящается проблеме персональная идентичности. Идентичность рассматривается как фактор, который помогает человеку приспособиться к условиям постоянно меняющегося мира и при этом не потерять себя. Вещь рассматривается как одно из значимых для человека предметных оснований идентичности. Рассматриваются варианты функционирования вещи как такого основания, учитывая конкретно-историческую специфику отношения «человек-вещь» в культуре.

Ключевые слова: вещь, персональная идентичность, самотождественность, самоопределение, идентификация, тело.

The article is devoted to the problem of personal identity in the modern world. Identity is considered as the factor that helps a person to adapt himself to the conditions of the constantly changing world and not to lose his own ego. The author reveals the importance of consumed by a man thing for gaining the sense of stability. The author also proves the urgency of philosophical analysis of a thing as an ontological boundary between Ego and World which verifies the self-identity of a person, helps or a person s self-determination . She considers the peculiarities of a person s attitude to a thing on different stages of the cultural development; he finds the tendencies and social-cultural determinants of the attitude. The author proves that a thing as a measure of a person s subjectivity can be a base for a personal identification.

Keywords: thing, personal identity, self-identity, self-determination, taking, identity, body.

Исследование способов бытия человека в мире вещей с позиции философской антропологии имеет важное значение для понимания человека в ситуации кризиса идентичности. Необходимость философского осмысления феномена вещи в контексте проблемы идентичности определяется спецификой отношения человека и вещи в условиях современного общества, где вещественное богатство выступает как самодостаточная ценность и личное своеобразие определяется через вещи

Вещное окружение является традиционной сферой идентификации человека. Идентичность формируется и обнаруживается не только в отношении индивида к самому себе, но и в контексте его отношения к вещи, которая являясь матрицей, влияет на формирование способа идентификации. Отношение между человеком и вещью постоянно воспроизводится в культуре как некая константа, но при этом всегда имеет определенную конкретно-историческую окраску. С переходом от одной социокультурной парадигмы к другой трансформируется принцип взаимодействия и со-бытия мира людей и мира вещей.

Характер отношения между человеком и вещью можно рассматривать как критерий различения

духовного и материального, индивидуального и коллективного, обуславливающих проблему соотношения и взаимодействия двух сторон идентификации — персональности и социальности.

Развитие западной культуры шло в направлении создания основы для полного выражения индивидуальности человека. Материалы этнографов, антропологов свидетельствуют, что отношение человека к вещи менялось на протяжении истории в зависимости от степени осознания человеком своей самости.

В развитии человеческого рода степень осознания человеком себя как отдельного — «Я» зависит от того, насколько он отделяет себя от рода. Член примитивного клана мог выразить свое чувство идентичности формулой «Я — это МЫ». «МЫ» — первичная категория социального бытия человека, означающая единство «Я» и «Ты», характеризует мышление человека в архаических культурах, что равнозначно признается представителями различных школ антропологов. Кроме того, в этот период человек отождествлял свое Я со своим телом. Тело человека — первая природная вещь и отправная точка формирования самости человека на этом этапе культуры. Антропоморфная вещь несет печать

человека и ее происхождение связано с удовлетворением, прежде всего, потребностей тела. Особенность первобытного «пансоматизма» в том, что тело имеет культурно-психологическое качество — оно носитель опыта и все социальное исходит от тела и благодаря качествам тела культурные особенности человека обретают силу.

Освоение явлений природной, социальной жизни и самопознание предполагает манипуляции с телом и обусловлено ритуалом. По свидетельству антропологов в ритуале используются артефакты, отсылающие к телу человека и его частям. Согласно мифологическому сознанию, созданная человеком вещь появилась в мире способом, тождественным тому, который «привел к появлению земли, небесных светил, животных и человека»¹ Эти аналогии позволяют говорить о «телеологической» связи частей тела и вещей, поэтому члены тела «священны, а сами вещи действуют в пределах того функционального пространства, которое определяется возможностями человеческого тела². Таким образом, первоначальное развитие древнего человека было основано на «технологии тела», использовании его пластичных свойств. Человек обладал основным инструментом — «его собственным движимым телом... каждой его частью, а не только сенсомоторными действиями, которые произвели ручные топоры и деревянные копья»³, утверждает Л. Мамфорд. Для дописьменных культур размышление имеет меньшее значение, чем связанное с телом действие в двигательной-активной форме, так считают представители исторической психологии. Все сказанное еще раз позволяет утверждать, что вещь возникла как развитие физических характеристик тела, как внешнее продолжение собственных качеств человека, связанных с удовлетворением потребностей тела. Таким образом, ритуально-мифологическое обращение с вещью имело комплексный, духовно-телесный характер, через которое, тело одного человека было связано с телом другого в единое культурно-историческое образование.

Первым по времени модусом рассмотрения вещи становятся мифы о происхождении вещей. Первая вещь была аналогом представлений об устройстве мира, овеществленным воплощением мифа. Это способ организации общества, основанный на символическом обмене, где нет прибыли, производства, экономики, где ритуальное предшествует социальному. О. М. Фрейдберг утверждает, что мифологичность древнейшего предметного мира связана с синкретизмом первобытного сознания, являющегося его специфической особенностью, отождествляющего органическое и неорганическое, природу и человека. Первобытное сознание не делает резкого разграничения не только между отдельными индивидами, но и между человеком и природой. Синкретическая слитность с Космосом находит в культуре свое наглядное выражение в идее внутренней аналогии человека — «микрокосма» и мира — «мегакосма», имеющих единую структуру и состоящих из одних элементов. Это тождество определяет моделирование не только космоса, земли и человека, но также сферу жилища, утвари, одежды. Процесс создания традиционного народного

жилища входил в общую космологическую схему. Традиционное народное жилище, отражая систему космологических символов, всегда находится в примирении с природой. Жилище воспринимается как тотемное животное, земное рукотворное небо, а его очаг и столбы — метафоры мирового дерева.

По замечанию этнологов, наиболее соответствуют космологически цельному мировоззрению женские вещи, созданные плетением, тканьем или гончарным способом. Свадебный наряд, приданное и подарки невесты подчеркивают соотнесение микрокосма с макрокосмом, сообщая космическую самодостаточность телу человека, представляя комплекс вещей, отмечающих важнейшие моменты жизни человека, что позволяет говорить о сопряженности жизненного пути человека с жизненным циклом вещей.

Еще одной особенностью мифопоэтического мышления, которую отмечают исследователи, является тесная связь между человеком и вещью в архаическом обществе, но эта связь имеет свою специфику и особенности. Эти особенности связаны с конкретностью первобытного мышления. Человек отождествляет себя с вещью, поэтому окружающими она рассматривается как он сам. Выбор вещи определяется не личными вкусами, предпочтениями и потребностями человека, но скорее принципом долженствования и нормами групповой культуры, когда решающую роль играли «должно» и «не должно».

«Для язычников бытие принадлежит вещи по праву жеребьевки, достается ей как законная добыча, а потом по таким же твердым законам, безразличным к каждой отдельной вещи и к каждому отдельному лицу, бытие отбирается обратно», — пишет С. С. Аверинцев⁴. Для убедительности автор приводит следующее изречение Анаксимандра, «из чего возникают все вещи, в то же самое они и разрешаются согласно необходимости: ибо за нечестие свое несут кару и получают возмездие друг от друга в установленное время»⁵. Это указывает не просто на связь между вещью и человеком в архаике, но и их тождество. Человек и вещь обладают одним бытием, распределенным безразличной жеребьевкой Мойры, которая отводит им ту или иную часть целого космоса. Таким образом, фетишистские, тотемистические, анимистические культы — это варианты коммуникации человека с природой, его «примирения с природой». Его характеризует объективно-инструментальное отношение к вещам, направленное на выживание, оформленное традицией, групповыми нормами, порядком и не определяемое лично индивидом.

Тенденция индивидуализации, определяющая характер отношения к вещи, относится ко времени социального расслоения и появления «лишних» вещей и связана с формированием осознаваемой самости. Двойственная коллективно-индивидуальная природа человека и противоречия этой природы — источник становления самосознания, в том числе и на ранних стадиях филогенеза. С одной стороны, человек выступает как часть рода и на уровне самосознания отождествляет себя с родом. С другой стороны, он существует как отдельное «космиче-

ское» тело, наделенное чувствами, способностями, душой. Этот образ космического «гротескного» тела человека, «незавершенного, не ограниченного резко от окружающего мира и переливающегося в него, открытого в мир и вбирающего его в себя», играл принципиальную роль в древней и средневековой культурах, сохраняя свою устойчивость вплоть до Возрождения⁶. Таким образом, самость формируется в сложном взаимодействии родового и индивидуального. Недостаточное осознание самости на ранних этапах объясняется особенностью типа взаимосвязи индивидуального и коллективного в родоплеменном обществе, тяготеющем к коллективным формам идентичности.

Личностное отношение к вещному окружению формируется в античности, что обусловлено следующими факторами. С одной стороны, это связано с «космокритерияльной» трактовкой человека античности, согласно которой он есть «мера всех вещей» (Протагор), а также с социальным расслоением, вызвавшим количественное накопление вещей, а, следовательно, появление вещей лишних, духовно связанных с человеком, способствовало преодолению слитности с родом. Особое значение имеет суждение И. Канта о том, что создание «лишних» вещей у первобытного человека было первым шагом к свободе, что в лишние вещи первобытного человека обнаруживается его свобода от того, что было лишь биологически значимым (способному удовлетворять естественные потребности в еде, питье и т. п.). В лишние вещи впервые обнаружилось «человеческое» в первобытном человеке, соответствующее его особой, человеческой природе, в которой есть место не только утилитарному.

С другой стороны, эллинскому мышлению присуще переживание «бытийственности вещей как присущей им красоты» (С. С. Аверинцев). Основное понятие греческой философии «эйдос» — выражало пластическое, скульптурное, телесно-вещественное и видимое осмысление мира. «Греческий» человек принадлежит бытию, воспринимает его как свой космический дом. Вещь красива, прежде всего, потому, что она космична, а значит упорядочена. Чернофигурная ваза — упорядоченная вселенная, модель космоса. Человек тоже мыслится как прекрасная одухотворенная вещь, возникшая и существующая по тем же законам. Вся вещная среда стремится быть соразмерной телу человека и соответствовать ему не только с прагматической, но и с эстетической точки зрения. Эстетический человек — индивидуалист. Это позволило гармонично индивидуализировать внешний облик и среду обитания древних греков. Открытие античности заключается в понимании красоты, как наиболее полного выражения сущности той или иной вещи, как того свойства, что заставляет восхищаться и желать ту или иную вещь.

Таким образом, этот этап исторического процесса индивидуализации человека показывает степень зависимости отношения человека к вещам от его отношения к себе. Когда существует жесткая связь индивида со своим социальным коллективом и человек не вычленяет себя индивидуально, а идентифицирует себя, в первую очередь, со своим социумом, то он не замечает отдельности вещей. Мифологический

тип мышления очеловечивает вещь как носителя частицы своего владельца, равно как и овеществляет человека. В традиционном обществе существовала иерархия вещей, соответствующая неизменному сословно-правовому делению, в котором идентичность была дана человеку изначально обществом и сохранялась на протяжении всей его жизни. И на этом и на последующих этапах становление самосознания человека идет в ходе индивидуального развития, через противопоставление слитности родовой общности.

В рамках христианской онтологии источником субстанциональности и основой, «гарантом» идентичности выступал Бог. Для средневекового мировоззрения характерно представление о человеке как элементе Божественного порядка, который раз и навсегда установлен. В средневековом мире индивид идентифицировался со своей социальной ролью в феодальной иерархии, вершиной которой был Бог. Средневековый человек не мыслил себя вне Бога, аналогично и вещь он видел, в первую очередь, как символ божественного присутствия в мире. Человек и вещь в силу их общего генезиса наделены «тварностью», которая тоже есть милость Бога. «Каждая вещь и сам человек сотворены, призваны к бытию от небытия, извлечены зовом Бога из темноты Ничто и еще сохранили на себе печать ничто»⁷. Задача же средневекового мастера заключалась в умении максимально точно воспроизвести первообраз, поскольку Бог есть первичный образец всего. Степенью приближения к нему определялось его мастерство. В процессе изготовления выше всего ценились основательность, добротность обработки, стремление ремесленника достичь высот мастерства и качество вещи. В средние века ремесленник был причастен к результатам своего труда, работа велась им от начала и до конца, поэтому рукотворная вещь оказывается органически связанной со своим создателем. На этом этапе эволюции техники, отмечает Х. Ортега-и-Гассет, техник и рабочий, соединенные в лице ремесленника, еще не отделились друг от друга. По его мнению, прямое выражение техники — это изобретательство как профессиональная деятельность, появившаяся позднее. Средневековый же ремесленник, в противовес «пролетарию Нового времени» воспроизводил себя в процессе своего труда во всей своей целостности, со всеми своими качествами как личность. В соответствии с положением классической философии о том, что подобное по своей природе постигается подобным же, или как утверждает авторитет средневековой мысли Аквинат, что «познание происходит через уподобление познающего познаваемой вещи», ремесленник в процессе познания-творения уподоблялся идеальной вещи, имеющей образцовую форму от бога⁸. В изделии отпечатывались знания и умения мастера. Средневековое представление о сущности вещей сводилось к генезису вещи и отождествлялось с мудростью. Предназначенные сугубо для ремесленников, средневековые письменные источники содержали практические указания, как сделать прекрасные вещи и наставляли одновременно в плане духовном. Ремесленное знание как мудрость не могло принадлежать никому лично, но

индивидуальные качества выявлялись в наибольшей степени в коллективе и становились общими для мастера и его учеников и передавались всем, кто имел отношение к ремесленному творчеству данного цеха. Его же индивидуальность проявлялась в изобретательности, с которой он пользовался унаследованными навыками для передачи заранее заданного образца. Таким образом, вещь в понимании средневекового мастера имела две стороны — одна была неотделима от индивидуальности мастера, другая, общая для всех, где создатель вещи не мыслился в качестве самостоятельной единицы, но призван был воплотить божественный замысел. Как «каждая вещь неповторима, но устремлена к одному и тому же, образцу, так и один человек отличается от другого, но вместе они стремятся уподобиться оному — Христу»⁹. Свои представления о себе средневековый мастер переносил на все вокруг себя и, в первую очередь, на создаваемую им предметную действительность. А так как он мыслил себя творением Бога, аналогично и вещи в, первую очередь, имели значение как символы связи с творцом. Поскольку знаковая функция вещи в данный период истории имела доминирующее значение в системе жизнедеятельности человека, то можно говорить о целостности личности и целостности вещи в средневековой культуре. Таким образом создание рукотворных вещей, особенно задействованных в церковном быту рассматривалось как анонимное служение Богу.

Новый этап исторического процесса индивидуализации человека начинается в Европе, в эпоху Возрождения. Этому способствует рост в период позднего средневековья городского населения, стиль жизни которого принципиально отличался от образа жизни сельских классов средневекового общества, а также формирование классовой принадлежности. Классовая принадлежность в отличие от сословной, которая наследовалась, создавалась в результате собственных усилий человека, впервые поставила перед людьми задачу самоопределения. В этот период мировоззрение, характерное для средневековой модели мира начинает трансформироваться, утрачивая свое традиционное содержание. Особенностью антропоцентрического мышления эпохи Возрождения была абсолютизация человеческой личности со всей ее «материальной телесностью». Материально-телесное начало воспринимается здесь как универсальное и ценность тела обосновывается в контексте идеи самореализации человека. Рассмотрение человека как единого, телесно-духовного существа уничтожает антагонизм, дихотомию духовного и телесного, провозглашенную в средневековой христианской морали.

Человек Возрождения отстаивает свою отдельность. «Я — один, Я — не толпа, не народ... гораздо лучше быть единственным, чем множеством. Поистине единица, которую греки называли выразительным словом монада, обладает большим совершенством, чем любое другое число» — пишет в одном из своих писем Калуччо Салутат¹⁰. Тенденция к индивидуализации проявляется во всех сферах жизни, детерминируя эстетическое отношение к действительности. Стараниями гуманистов эпохи

Возрождения произошел возврат к античной гармонии духовного и материального. Рассмотрение человека как единого, целостного существа уничтожает антагонизм между духовным и телесным. Искусство начинает все больше заниматься внешним окружением человека и вещь не только входит в поле зрения художников, но и становится самостоятельной темой художественного произведения и самостоятельным жанром в живописи.

Утверждение реального земного человека со всеми его атрибутами как непреходящей ценности открыло ему новые грани отношений к вещам. В результате возникает гармонизация отношений человека с вещью, когда собственные качества обеих сторон выходят на первый план, когда в вещи стали цениться не только ее функциональные характеристики, но и духовно — практическая целостность, то есть связь с духовной сферой жизни человека. Вещь становится фамильным достоянием, средством идентификации человека с семьей, выражением приверженности традиционным ценностям. Количественный рост вещей способствует повышению их качественных характеристик, что приводит к тому, что ими начинают любоваться и коллекционировать. В эпоху Возрождения наибольшей онтологической значимостью начинают наделяться уникальные предметы. В первую очередь произведения искусства, что связано с различием между трудом и творчеством. Коллекционный подход к миру материальной культуры и появление музеев как социокультурного пространства функционирования художественной вещи становится новой гранью отношения к вещам в этот период. Коллекции древних памятников, собранные в пятнадцатом веке семьями Медичи, Орсини — тому свидетельство.

Таким образом, принципы красоты и пользы в вещи приходят в этот период к гармоническому единству и согласованности, чему в немалой степени способствует гармонизации отношений между человеком и вещью. Эпоха Возрождения сформировала модель автономной человеческой индивидуальности и новый тип идентификации, высвободив индивида от традиционных форм структурирования самосознания, когда индивид ничего не решал сам, и его вели судьба, прихоти богов, требования рода, сословия.

Осознание своеобразия единичного, отличия от других в Новое время было понято как субстанциональность Я (мыслящая субстанция). Философской основой, на которой трактовалась идентичность, была субстанция. Субстанциональная идентичность человека базируется на самосознании. Центром классического философствования становится самосознающее Я. Это связано с именами Р. Декарта и Г. В. Лейбница. В эпоху Просвещения утверждается связь индивидуальности и всеобщности, программа индивидуализации и самореализации становится программой реализации общечеловеческого стремления к равенству и свободе. Мыслящий рассудок в эпоху Просвещения стал единственным мерилом всего сущего. Однако возвышение разумного утверждалось в противовес телесной «неразумной» природе человека. Как показывает И. С. Кон, эпоха Нового времени порождает такое явление,

как «табуирования» тела, подчинение телесного рационально-духовной сущности человека, жесткую дисциплину тела. Это вызывает появление в XVIII веке домашнего костюма как особого вида одежды и различных видов домашней одежды — шлафроков, пижам и т. д.¹¹. Новое понимание тела как того, что человеку необходимо скрывать и подавлять, является одним из аспектов общего процесса повышения ценности индивидуальности и персонализации личного пространства.

Непродолжительная гармония взаимоотношений в системе «человек — вещь» была осложнена в конце восемнадцатого века начавшимся научно — техническим прогрессом, что привело к отчуждению продуктов труда от своего создателя и превращению рукотворной вещи в «равнодушный» предмет. Вещи при этом стандартизируются и начинают терять свою культурную ценность и подлинность. В результате нового понимания личности человека, отрицания традиции, утверждения знания, завоеванного личным усилием и утверждения эксперимента на арену выходит новый тип человека: «новоевропейский», «экономический», человек «рыночного» типа (Э. Фромм). Чувство идентичности у людей рыночного типа, с точки зрения Э. Фромма связано с участием в деятельности корпораций, а так как социальная структура общества все усложняется, то самореализация личности осуществляется через совокупность ролей. Результатом этого процесса становится постоянно меняющийся образ человека и невозможность ответить на вопрос «кто Я» и, как следствие, кризис идентичности. Информационные системы увеличивают силы человека в интеграции, но подрывают основу традиционной западной концепции личности — тождество, которое составляло основу персональной идентичности.

Таким образом, кризис личности в современном мире это кризис традиционных форм идентичности. Моментом рождения новых форм идентичности становится переход от традиционного общества к посттрадиционному, от монолога к диалогу, от неизменного к изменчивому. Результатом становится отказ от модернистской идеи тождества, заданности человеческого Я и реабилитация различия, инаковости. Происходит признание взаимосвязи и взаимообусловленности персональной и коллективной идентичности и понимание того, что идентичность базируется на двух основных принципах, тождества самому себе и различия. Начало преодоления доминанты тождества в классической философии и конституирование в европейской традиции дискурсов «различия», «инаковости» и «Другого» связано с именем М. Хайдеггера. Окончательное признание в европейской традиции идентичности как продукта социального взаимодействия индивида с внешней средой связано с именами (З. Баумана И. Гофмана, У. Джеймса, Т. Лукмана, Дж. Г. Мида, Р. Мертона).

На смену жестко ограниченной, однозначной идентичности приходит идентичность «фрагментарная», незавершенная, плюралистическая, когда человек отождествляет себя с разными группами «в перспективе со всем родом». На страницах как отечественных, так и западных изданий все чаще

звучат мнения о неизбежности унификации мировой культуры.

Искусственная среда, которую создает человек — виртуальна. Технологизация, виртуализация социокультурного пространства изменяют каналы передачи социального и культурного опыта, а также способы самореализации человека.

Электронные сети образуют виртуальные пространства, в которых человек черпает информационные ресурсы. В виртуальной реальности вещь переходит в разряд символических знаков и освобождается от своей материальной связи с телом человека и существует в потенциальном состоянии, тем не менее, оказывая воздействие на действительность. Утилитарная вещь превращается в симулякр, обретая свое виртуальное бытие. Так в современном мире появляется «виртуальная вещь», являющаяся имитацией реальной. Преимуществом виртуальной вещи выступает ее интерактивность и способность влиять на появление разнообразных идентичностей.

Наряду с тенденциями к глобализации и деглобализации в посттрадиционном обществе наблюдается пристальное внимание к процессам индивидуального развития. Своеобразие индивидуального Я заметнее на границе, роль которой в современной культуре играет персонифицированная вещь.

В условиях глобализации идентичность становится смыслом существования личности в неустойчивом мире, ее организующим принципом, пытающимся преодолеть оппозицию между исторически укорененными и новыми ее формами, между виртуальными мирами и информационно-коммуникативными системами и личностью, оппозицию между сетью и Я, между Я — в жизни и Я — в сети.

Таким образом, эволюция вещи и эволюция самости — сопряженные процессы. Но это существующее между ними на протяжении всего исторического периода взаимодействие на каждом этапе своего развития имеет свою специфику в зависимости от изменения представлений человека о себе. В качестве примера трансформации модели субстанциональной идентичности, от неосознаваемой к осознаваемой, от коллективной к персональной и подтверждения связи между становлением самосознания в истории западной культуры и его отношением с вещами может служить высказывание софиста Продика, который говорил: «Каковы пользующиеся вещами люди, таковы и самые вещи». В этом положении отражена особенность античного мировосприятия, отождествляющего человека и вещь, поскольку философской основой, на которой долгое время в классической традиции трактовалась как идентичность человека, так и вещи — была субстанциональность (С. Хоружий). Противоположная точка зрения, отражающая исторический процесс индивидуализации человека, от первобытной нерасчлененности «Я» и «не-Я», к более четкому противопоставлению мира внутреннего внешнему, устойчивости изменчивости, единичности множественности, изложена представителями философии экзистенциализма и персонализма, которые, рассматривая человека как самодостаточный мир, были

убеждены, что «если вещь может быть идентична самой себе или другой вещи, то человек — только себе самому» и что человека невозможно изучить как вещь, объект.

Таким образом, диалектика двух сторон идентичности — социальности и персональности обуславливает противоположные тенденции в функционировании отношения между человеком и вещью, а именно свободы от вещей, то есть аскетизма, с одной стороны, с другой стороны, господство вещей над человеком. И то, и другое являются крайностями и в «чистом виде» обнаруживаются в реальной человеческой жизни не часто. Первая тенденция обуславливает индивидуальный путь обретения персональной идентичности, где Я выступает в качестве субстанции, которую нельзя определить при помощи чего-то внешнего.

Вторая тенденция предполагает Я и Другого, приоритет социальных коммуникаций. Вещь есть тот Другой, кто по мысли М. М. Бахтина завершает и оформляет мое Я в пространстве и времени.

Историческая ретроспектива отношений человека и вещного мира позволяет выделить три формы социального функционирования вещи (рукотворная, машинная, виртуальная), отражающие этапы развития самости человека от «человека Безграничного к топологическому и затем к Виртуальному» (С. С. Хоружий) и соответствующие трем фазам общественной организации общества (доиндустриальной, индустриальной и постиндустриальной).

В результате проведенного исследования взаимоотношения человека и вещи установлена степень зависимости этого отношения от способа самоидентификации человека и определена роль и значение

вещи в процессе идентификации и самоидентификации. Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что классификация вещей определяется не столько свойствами вещей, сколько отношением к ним, как жизненно важным или несущественным. Вещь — культурное средство, возникшее в ходе истории и оказывающее влияние на формирование способа идентичности.

Примечания

1. Байбури А. К. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. — М. : Наука, 1989. — С. 68.
2. Там же.
3. Мамфорд Л. Техника и природа человека // Новая технократическая волна на Западе / сост. П. С. Гуревич. — М. : Прогресс, 1986. — С. 88.
4. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. — СПб. : Азбука-Классика, 2004. — С. 44.
5. Там же.
6. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. — М. : Искусство, 1972. — С. 49.
7. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического : избр. материалы. — М. : Прогресс-Культура, 1995. — С. 44.
8. Там же.
9. Топорков А. Л. Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. — М. : Наука, 1989. — С. 36.
10. Цит. по: Данилова И. Е. Мир внутри и вне стен: интерьер и пейзаж в европейской живописи XV—XX вв. — М., 1999. — С. 18.
11. Кон И. С. В поисках себя: личность и ее самосознание. — М. : Политиздат, 1981. — С. 100.

Поступила в редакцию 1 июня 2013 г.

КОВТУН Ольга Автономовна, старший преподаватель кафедры искусствоведения и культурологи, Южно-Уральский государственный университет. Кандидат философских наук. В 1990 году окончила факультет искусствоведения Уральского государственного университета. Область научных интересов: философия культуры, философская антропология, теория дизайна, эстетика. E-mail: 2679101@mail.ru

KOVTUN Olga Avtonomovna, is Senior Teacher of Art History and Cultural Studies Department of the South Ural State University. PhD in philosophy. In 1990 she graduated from the Art History Faculty of Ural State University. Professional interests: philosophy of culture, philosophical anthropology, design theory, aesthetics. E-mail: 2679101@mail.ru